

Санкт-Петербургский государственный университет

Барышева Ольга Игоревна

Выпускная квалификационная работа

История возникновения и развития древнегреческой грамматической терминологии (IV в. до н. э. — V в. н. э.)

Уровень образования: аспирантура

Направление: 45.06.01 «Языкознание и литературоведение»

Основная образовательная программа: МК.3062 «Лингвистика»

Научный руководитель:

проф. СПбГУ, д. ф. н.

Позднев Михаил Михайлович

Рецензент:

науч. сотр. ИЛИ РАН, к. ф. н.

Воробьев Григорий

Михайлович

Санкт-Петербург

2021

Содержание

Введение.....	3
Древнегреческая грамматическая теория: этапы развития, основные источники, научная литература.....	5
Ἑκκλίσις: категория наклонения в древнегреческой грамматической теории.....	10
Заключение.....	21
Литература.....	22

Введение

Падеж, склонение, залог и другие подобные понятия сейчас хорошо известны каждому школьнику. Мы их знаем и употребляем, но редко задумываемся, почему они получили такие названия и что эти названия означают, а если задумываемся, то затрудняемся объяснить их происхождение и смысл. История этих терминов берет начало в глубокой древности. Они возникли в древнегреческой грамматической теории, зародившейся более двух тысяч лет назад и явившейся фундаментом всей современной грамматической науки. Изучение этой основы крайне важно для того, чтобы понять как смысл отдельных терминов, так и всю логику грамматической теории и историю ее развития.

Античная грамматическая теория и, в частности, древнегреческая, как и другие области античной науки, уже давно стала предметом научного анализа, но, несмотря на обилие публикаций по этой теме, многочисленные нюансы этой теории, трактовки отдельных терминов, история их возникновения и употребления, остаются не до конца проясненными. Терминология, сформировавшаяся в рамках древнегреческой грамматической теории, конечно, весьма обширна и разнообразна. Она включает термины, обозначающие части речи, относящиеся к ним грамматические категории, многочисленные дистинкции внутри этих широких понятий. Исследование всех этих терминов представляет интерес, но в рамках нашей работы мы остановились на терминологии, употребляемой для обозначения грамматических категорий, а предметом данного доклада станет лишь одна из них, а именно категория склонения.

Цель настоящего доклада — проследить, когда и как сформировалась грамматическая категория глагольного склонения, какие термины употреблялись для ее обозначения, и представить процесс ее перехода из сферы философии в область сугубо грамматической науки.

Вначале мы осуществляем обзор основных этапов развития грамматической теории в целом, кратко останавливаемся на античных источниках и указываем наиболее важные, на наш взгляд, современные исследования. Далее мы обращаемся к понятию склонения и рассматриваем, как оно формировалось на протяжении всего периода Античности в древнегреческой грамматической мысли. В завершение доклада подводятся итоги исследования.

Древнегреческая грамматическая теория: этапы развития, основные источники, научная литература

Историю становления и развития древнегреческой грамматической теории уместно подразделить на два крупных этапа — до и после возникновения грамматики как отдельной дисциплины. На первом этапе, который охватывает приблизительно V – I вв. до н. э.¹, язык еще не является самостоятельным и самоценным объектом исследования. Тем не менее, многие лингвистические феномены трактуются в философии в связи с решением собственно философских проблем: язык как «оболочка» мысли, его выразительные и коммуникативные возможности интересуют софистов, логиков и риториков. Здесь впервые вырабатывается ряд понятий и концепций, которые впоследствии, иногда после существенного переосмысления, станут частью античной грамматической теории. Так, Протагор, согласно античным свидетельствам, первым указал на различие между высказываниями по цели (D. L. 9.54.1), а Платон выделил два необходимых элемента законченной речи — ὄνομα ‘имя’ и ῥῆμα ‘глагол’² (Pl. Sph. 261e–262c). Ключевую роль на этом этапе сыграли Аристотель и философы Древней Стои — в первую очередь, Хрисипп и его ученики.

Аристотель обращается к лингвистическим вопросам на страницах многих своих работ. Он анализирует семантическую и синтаксическую двусмысленность (напр., Arist. SE. 165a26–166a30), которая лежит в основании ряда софистических уловок. В «Поэтике» Аристотель представляет результаты своих наблюдений над звуковым и грамматическим

1 Временные границы данного периода указаны условно. Возможно, следовало бы начать историю развития грамматики раньше, с Теагена (посл. треть VI в. до н. э.), поскольку, согласно свидетельству схолиаста (Schol. in D. T. 164. 23), от него берет начало грамматикаτερι τὸν ἐλληνισμὸν.

2 Хотя термины Платона, ὄνομα и ῥῆμα, совпадают с терминами, обозначающими имя и глагол как части речи в более позднее время, у Платона они по смыслу ближе логическим понятиям субъекта и предиката, чем морфологическим категориям имени и глагола.

строем греческого языка. Он указывает восемь т. н. «частей речи»³ — στοιχεῖον ‘звук’, συλλαβή ‘слог’, ὄνομα ‘имя’, ῥῆμα ‘глагол’, σύνδεσμος ‘связка’, ἄρθρον ‘член’, πτῶσις ‘флексия’, λόγος ‘предложение’ (Arist. Po. 1456b20–21). Эти термины — правда, почти все с существенным сдвигом значения — затем будут употребляться и в грамматике александрийцев. В контексте исследования грамматической терминологии важными представляются также «Категории» и «Об истолковании».

В философии стоиков язык становится предметом тонкого логико-лингвистического анализа, в результате которого список частей речи пополняется двумя новыми классами слов (προσηγορία ‘нарицание’, μεσότης ‘среднее’ — имеется в виду наречие), дифференцируются падежи, глаголы классифицируются по категориям, приблизительно соответствующим современным категориям залога и транзитивности⁴. Несмотря на то, что позднейшая грамматическая теория многое почерпнула из стоической диалектики (в частности, имеет место и терминологическая преемственность), последнюю нельзя отождествлять с собственно грамматикой. Стоики интересовались прежде всего логической формой высказываний и логико-семантическими свойствами составляющих их частей, а не формами выражения этих свойств в языке.

Грамматика как отдельная дисциплина возникает в Александрии ок. I в. до н. э.⁵ Долгое время считалось, что по счастливому стечению обстоятельств мы располагаем текстом одного из первых грамматических трактатов того времени — Τέχνη γραμματική ‘Искусство грамматики’, авторство которого

3 Аристотель употребляет выражение μέρη τῆς λέξεως. Хотя оно действительно может переводиться как «части речи», его не следует смешивать с μέρη τοῦ λόγου — выражением, обозначающим «части речи» в морфологическом смысле.

4 Строго говоря, стоики провели классификацию κατηγορήματα ‘предикатов’. Глагол же выражает предикат.

5 В Античности термин γραμματική обозначал не только грамматику в современном понимании, но и (и даже в первую очередь) критику и издание текстов — то, что сейчас относится к филологии. Об определении грамматики см. Matthaios 2011. 55–85.

приписывалось Дионисию Фракийскому (170 г. до н. э. — 90 г. до н. э.). В этом небольшом трактате представлены ключевые понятия и положения грамматической теории: дано определение грамматики, перечислены ее части, даны сведения о фонетике древнегреческого языка. Большую же часть трактата занимает учение о восьми частях речи и их *παρελόμενα* — грамматических категориях. В 1958 г. В. Ди Бенедетто (Di Benedetto 1958) поставил под вопрос авторство и датировку Τέχνη, выдвинув аргументы в защиту значительно более поздней датировки трактата (III – V вв. н. э.). Развернулась длительная дискуссия, в результате которой большинство ученых согласились, что если не весь трактат, то по меньшей мере значительная его часть написана не Дионисием Фракийским, а кем-то из более поздних грамматиков⁶. Тем не менее, подобные Τέχνη трактаты, по-видимому, действительно стали появляться уже в I в. до н. э.⁷ Хотя эти тексты не дошли до нас, анализ отдельных фрагментов, сохранившихся в схолиях, и свидетельств современников показывает, что к этому времени александрийским филологам были известны восемь или даже девять частей речи и многие из грамматических категорий (например, падеж и склонение)⁸.

Следующий значительный шаг в развитии грамматики был сделан во II в. н. э. Аполлонием Дисколом. Он был автором двадцати работ по грамматической теории, из которых сохранилось только четыре — обстоятельный труд Περὶ συντάξεως ‘О синтаксисе’ и три сравнительно небольших текста, Περὶ συνδέσμων ‘О союзах’, Περὶ ἐπιρρήμάτων ‘О

6 См., например, обзор в Pagani 2011.

7 Напр., Περὶ μερισμοῦ τῶν τοῦ λόγου μερῶν ‘О делении частей речи’ Тиранниона, Περὶ προθέσεων ‘О предлогах’, Περὶ συνδέσμων ‘О союзах’, Περὶ ἐπιρρήμάτων ‘О наречиях’ Трифона.

8 Хотя грамматика «созревает» в работах авторов I в. до н. э., нужно упомянуть и их предшественника Аристарха Самофракийского (216 г. до н. э. — 144 г. до н. э.). Главным направлением его деятельности были критика и издание текстов, при этом он также затрагивал проблемы, относящиеся к «технической» грамматике. С. Маттайос доказывает, что именно он первым выделил восемь частей речи — имя, глагол, причастие, артикль, местоимение, предлог, союз, среднее (т. е. наречие) (Matthaios 1999, 191–198).

наречиях' и *Περὶ ἀντωνυμίας* 'О местоимениях'. Аполлоний известен прежде всего как создатель синтаксиса — учения о закономерном и правильном построении предложения, но его вклад в развитие морфологии также весьма существен. В отличие от автора *Τέχνη*, который при изложении грамматики ограничивается практически только перечислением элементов того или иного раздела грамматики, их определениями и поясняющими примерами и избегает сложных объяснений, Аполлоний охотно берется за трудные вопросы, такие как, например, природа инфинитива и его место в грамматической теории (напр., *A. D. Synt.* 44–45). Работы Аполлония — источник первостепенного значения для исследования истории античной грамматики, в т. ч. в аспекте развития терминологии.

Важную роль грамматика играла и как учебная дисциплина⁹. В учебных целях был составлен позднеантичный трактат *Εἰσαγωγικὰ κανόνες περὶ κλίσεως ὀνομάτων καὶ ῥημάτων* 'Вводные правила склонения имен и глаголов' Феодосия Александрийского (IV–V вв.), разительно отличающийся по содержанию от текстов теоретической направленности. «Каноны» — это по сути грамматические таблицы, сопровождающиеся правилами, поясняющими переход от одной, уже известной формы слова к новой форме. «Каноны» Феодосия могут поразить читателя, изучившего древнегреческий по современным учебникам. Так, в них насчитывается 56 различных парадигм склонения имен. Правила формообразования также формулируются весьма неожиданно. Например, форму 1-го лица, мн. ч. глагола в настоящем времени предлагается образовать от род. п. причастия того же времени (на *-οντος*), отбросив последний слог и вставив перед *-ν* элемент *-με* (*Theodos. Can.* 44.14–17)¹⁰. Хотя в «Канонах» Феодосий лишь изредка касается теоретических вопросов грамматики, его трактат представляет интерес в

⁹ Об открытии грамматических школ см. Kaster 1988, 51–52.

¹⁰ См. Барышева 2019b.

контексте исследования истории терминов: здесь мы видим, как функционирует уже вполне сложившаяся грамматическая терминология.

Помимо указанных грамматических трактатов источниками наших знаний о становлении грамматической терминологии являются и иные тексты: это, во-первых, схолии александрийских филологов к Гомеру, Пиндару, трагикам и Аристофану, во-вторых, позднеантичные и византийские схолии к античным сочинениям по философии и грамматике, в-третьих, византийские комментарии к античным грамматическим трактатам (комментарии Иоанна Харакса и Георгия Хировоска к «Канонам» Феодосия). Византийские источники ценны как обобщающие работы, в которых отразился обширный круг утраченных античных текстов.

Современная научная литература, посвященная древнегреческой грамматической теории и, в частности, грамматической терминологии, весьма обширна. Приведем основные, на наш взгляд, работы:

Ж. Лалло перевел трактаты (Псевдо-) Дионисия Фракийского (Lallot 1998) и «О синтаксисе» Аполлония Дискола (Lallot 1997) на французский язык и составил обширные комментарии к этим текстам, представляющие первостепенную ценность для исследователей грамматической теории александрийской традиции. И. Слуитер разрешила ряд трудных вопросов античной грамматической теории, рассмотрев ее в широком философском и научном контексте (Sluiter 1990). В. Акс и М. Фреде внесли существенный вклад в наше представление о грамматическом учении стоиков (Ax 1991, Frede 1987a, 1987b). С. Маттайос уделил большое внимание исследованию начального этапа развития александрийской грамматической теории (Matthaios 1999).

Ἐγκλίσις: категория наклонения в древнегреческой грамматической теории

При изучении истории термина можно двигаться двумя путями. Один путь ведет от явления к слову. Он заключается в том, чтобы проследить, когда интересующий нас феномен был впервые обнаружен и как осмыслен, как и под каким именем он входил в соответствующие теории и, наконец, когда получил закрепившееся в традиции наименование. Второй путь — это путь от слова к явлению. Можно выяснить, как слово, впоследствии получившее интересующее нас терминологическое значение, функционировало в обиходном употреблении (очень распространенная ситуация для древнегреческого языка) и, если это имело место, в других научных теориях. Оба пути представляются важными и перспективными для изучения истории грамматической терминологии, однако в рамках данного доклада мы ограничимся только одним из них — от явления к слову.

Ответить на вопрос, когда именно в Античности возникает представление о наклонении, непросто. Основная функция наклонения — выражать модальность, интендированную говорящим. Однако модальность — категория, принадлежащая скорее семантике и логике, нежели морфологии, а наклонение не единственный инструмент выражения ее в речи. То, что высказывания, передающие разные модальности, т. е. такие, в которых содержится, например, просьба, или приказание, или вопрос, различаются между собой и отличаются от высказываний, которые просто констатируют некоторое положение дел, античные мыслители увидели достаточно рано. Но означает ли это, что они также подошли и к понятию наклонения?

Насколько известно, первым на такого рода различия между высказываниями обратил внимание Протагор. Согласно Диогену Лаэртскому, он подразделил λόγος на четыре вида: пожелание, вопрос, ответ и приказ¹¹

¹¹ εις εὐχολήν, ἐρώτησιν, ἀπόκρισιν, ἐντολήν.

(D. L. 9.54.1). Аристотель сообщает о критике Протагора в адрес Гомера: в начале «Илиады» поэт, обращаясь к богине, употребляет форму ᾄειδε ‘воспой’ — форму, которая, по мнению Протагора, выражает приказ (ἐπίταξις), а не мольбу (εὐχή) (Arist. Po. 1456b.15–19). Хотя из этих свидетельств ясно, что Протагор различал (пользуясь современной терминологией) несколько коммуникативных интенций, связывал их реализацию в речи с употреблением определенных глагольных форм и, по-видимому, полагал, что выбор формы однозначно определяет интенцию, вряд ли можно считать, что он в действительности теоретически осмыслил эти вопросы.

Сам Аристотель, хотя и говорит вскользь о различных λόγοι, серьезному исследованию подвергает только ἀλοφαντικὸς λόγος, ‘высказывающую речь’, которой присуще быть истинной или ложной и которая поэтому играет ключевую роль в логике. Остальные виды высказываний, такие как, например, мольба, не обладают истинностным значением и должны, по Аристотелю, рассматриваться в рамках риторической и поэтической теории. Тем не менее, ни в «Риторике», ни в «Поэтике» Аристотель к этому вопросу не возвращается. В «Поэтике» он лишь замечает, что знание того, что есть мольба, приказ и прочее и как их выразить в речи, принадлежит скорее актерскому искусству (Arist. Po. 1456b.8–11).

В «Поэтике» есть еще одно место, которое следует проанализировать, рассматривая историю понятия наклонения. В 20-й главе Аристотель указывает восемь μέρη τῆς λέξεως ‘частей речи’, среди которых фигурирует πτῶσις. Впоследствии в грамматической теории за данным наименованием закрепится значение грамматической категории «падеж», но пока у Аристотеля оно обозначает вообще любое изменение «имени» или «глагола»¹² — соответствующее как словоизменению, так и некоторым

12 См. Барышева 2020.

случаям словообразования. Это понятие непросто определить в общем виде, и Аристотель вместо этого поясняет его на примерах:

πτῶσις δ' ἐστὶν ὀνόματος ἢ ῥήματος ἢ μὲν κατὰ τὸ τοῦτου ἢ τοῦτῳ σημαῖνον καὶ ὅσα τοιαῦτα, ἢ δὲ κατὰ τὸ ἐνὶ ἢ πολλοῖς, οἷον ἄνθρωποι ἢ ἄνθρωπος, ἢ δὲ κατὰ τὰ ὑποκριτικά, οἷον κατ' ἐρώτησιν ἐπίταξιν· τὸ γὰρ ἐβάδισεν; ἢ βάδιζε πτῶσις ῥήματος κατὰ ταῦτα τὰ εἶδη ἐστίν (Arist. Po, 1457a.18–23).

«Изменение имени или глагола есть обозначение на вопрос «кого? кому?» и т. п. или обозначение единства или множества, например «люди» или «человек», или обозначение отношений между разговаривающими, например вопроса, приказания. Например, «пошел ли он?» или «иди!» есть изменение глагола по указанным видам.»

Мы видим, что широкая категория πτῶσις уже как бы предварительно «размечена» для того, чтобы впоследствии из нее выделились глагольные и именные грамматические категории: κατὰ τὸ τοῦτου ἢ τοῦτῳ σημαῖνον καὶ ὅσα τοιαῦτα 'обозначение на вопрос «кого? кому?» и т. п.' соответствует изменению имени по падежам, а κατὰ τὸ ἐνὶ ἢ πολλοῖς 'обозначение единства или множества' — по числам. Что касается изменения глагола κατὰ τὰ ὑποκριτικά εἶδη, т. е. в соответствии с видами речи, знание которых относится к актерскому искусству (см. выше), то оно, по-видимому, предвосхищает появление интересующей нас категории наклонения. Впрочем, ввиду того, что между модальностями, выражаемыми в этих видах речи, и наклонениями греческого языка нет взаимно однозначного соответствия, трудно оценить, какие именно оппозиции выделил бы Аристотель внутри категории наклонения. В качестве примеров он приводит формы индикатива со значением вопроса и императива со значением приказа. На наш взгляд, допустимо предположить, что Аристотель к этой разновидности πτῶσις относил все четыре наклонения древнегреческого языка и полагал, что в совокупности с другими средствами выражения (в т. ч. из арсенала актерского искусства, например интонацией и пр.) они порождают τὰ

ὑποκρίτικὰ εἶδη, проводить исчерпывающую классификацию которых Аристотель не считал нужным.

Так или иначе, но смешение понятий наклонения и модальности и желание поставить первое в зависимость от второго будут еще долго прослеживаться в истории античной грамматики. Отсюда проистекают попытки увеличить количество наклонений, причисляя к ним, например, ἐρωτηματικὴ ‘вопросительное’ и ὑποθετικὴ ‘гипотетическое’ (Choerob. in Theod. 232.26). Отсюда — колебания в названии сослагательного наклонения, которое, наряду со ставшим общепринятым названием ὑποτακτικὴ, обозначалось также как ἀποτελεστικὴ ‘финальное’, αἰτιολογικὴ ‘каузативное’, διατακτικὴ ‘дубитативное’¹³ (Choerob. in Theod. 245.14–18).

Возможно, первая более или менее подробно разработанная теория, включающая понятие наклонения, была создана стоиками в III–II вв. до н. э. Свидетельства, которые говорили бы в пользу этого предположения, немногочисленны и уязвимы для критики. Однако, то, что логико-лингвистическое учение стоиков включало трактовку других грамматических категорий¹⁴ (о чем сохранилось больше и более надежных свидетельств), позволяет предположить, что и категория наклонения в каком-то виде отразилась в их теории.

В современной научной литературе представлены различные взгляды на данный вопрос. Некоторые ученые категорически не согласны с тем, что стоики вообще могли создать систему наклонений (Schmidt 1839. 72; Steinthal 1890/91. 317; Nagius 1979. 73). Д. Шенкевельд считает весьма вероятным, что стоики разработали систему наклонений (правда, отличную от системы, появившейся позже в грамматике александрийцев, и находившуюся в тесной связи с представлениями стоиков об αὐτοτελεῖς λεκτά ‘полных высказываемых’) (Schenkeveld 1984. 351).

13 А также ἐπιζευκτικὴ ‘присоединительное’ и ἐπιρμήνη ‘удлинненное’, но эти названия указывают не на значение наклонения, а на синтаксическую функцию и принцип образования его форм соответственно.

14 Например, категории падежа или глагольного времени.

Одним из ключевых понятий стоической диалектики является λεκτόν ‘высказываемое’ — мыслимое содержание наших слов. Λεκτά бывают полными и неполными; неполные требуют восполнения, чтобы выразить законченную мысль, полные уже ее содержат; на уровне означающего (φωνή) полным λεκτά соответствуют предложения. Сохранилось несколько фрагментов, где содержатся сведения о разновидностях αὐτοτελεῖ λεκτά, выделенных стоиками. Списки разновидностей из разных фрагментов не всегда совпадают как по их количеству, так и в отношении названий (что объясняется, в частности, применением терминологии перипатетиков). Сопоставив свидетельства источников, Д. Шенкевельд пришел к выводу, что «подлинный» список αὐτοτελεῖ λεκτά у стоиков включал десять разновидностей: ἀξιῶμα ‘суждение’, ἐρώτημα ‘вопрос’ (требующий ответа «да/нет»), πύσμα ‘расспрос’ (на который недостаточно ответить «да/нет»), λεκτόν ἐπαλορητικόν ‘выражающее недоумение’, λ. προστακτικόν ‘приказывающее’, λ. ὀρκικόν ‘выражающее клятву’, λ. ἀρατικόν ‘заклинающее’, λ. προσαγορευτικόν ‘обращение’, λ. ὑποθετικόν ‘гипотетическое’, λ. ὁμοιον ἀξιῶματι ‘подобное суждению’ (Schenkeveld 1984. 310). Важно подчеркнуть, что αὐτοτελεῖ λεκτά — это не сами предложения (повествовательные, побудительные и пр.), а мысли, которые они выражают, имеющие определенную, особенную для каждого λεκτόν, логическую форму. По-видимому, эта логическая форма должна включать два структурных элемента, приблизительно соответствующих пропозициональному содержанию и иллокутивной цели в теории речевых актов. Оба этих элемента имеют свои средства выражения. Одним из способов выражения иллокутивных целей в речи является употребление соответствующих глагольных наклонений. Однако, этого средства недостаточно, чтобы различить весь спектр иллокутивных целей. Д. Шенкевельд полагает, что другим средством их выражения стоики считали употребление некоторых специальных слов, имеющих модальное значение,

таких как, например, $\mu\acute{\alpha}$ и $\nu\acute{\eta}$, сообщающих фразе смысл клятвы, или $\acute{\alpha}\rho\alpha$, обозначающего вопрос (Schenkeveld 1984. 343–344). Если это так, то, возможно, понятие склонения в диалектике стоиков уже существовало, но включало не только склонения в современном смысле слова, но и модальные частицы, а, может быть, и какие-то другие языковые средства.

Итак, мы видим, что взгляд, направленный от мысли к способу ее выражения, возможно, привел стоиков к формированию представления о склонении, хотя и далекого от понятия сугубо грамматической категории. В противоположном направлении, отталкиваясь от слова и его формальных признаков, двигались александрийские грамматики.

Из работ, в которых представлена «зрелая» грамматическая теория александрийцев с устоявшейся терминологией, например из *Τέχνη* и «Канонов», о склонении можно узнать следующее. Склонение ($\acute{\epsilon}\gamma\kappa\lambda\iota\sigma\iota\varsigma$) является одной из восьми грамматических категорий ($\pi\alpha\rho\epsilon\lambda\acute{o}\mu\epsilon\nu\alpha$), относящихся к глаголу, и первой по порядку в их перечне. Всего склонений пять: $\acute{o}\rho\iota\sigma\tau\acute{\iota}\kappa\acute{\eta}$ ‘изъявительное’, $\pi\rho\sigma\tau\alpha\kappa\tau\acute{\iota}\kappa\acute{\eta}$ ‘повелительное’, $\epsilon\upsilon\kappa\tau\acute{\iota}\kappa\acute{\eta}$ ‘желательное’, $\upsilon\pi\omicron\tau\alpha\kappa\tau\acute{\iota}\kappa\acute{\eta}$ ‘сослагательное’, $\acute{\alpha}\lambda\alpha\rho\acute{\epsilon}\mu\phi\alpha\tau\omicron\varsigma$ ‘неопределенное’ (D. T. 47–48). Ни определения понятия склонения и отдельных склонений, ни каких-либо разъясняющих примеров в *Τέχνη* не приводится.

В «Канонах» употребляется та же терминология. Правда, термин $\acute{\epsilon}\gamma\kappa\lambda\iota\sigma\iota\varsigma$ встречается всего один раз — в отрывке, цитируемом ниже. Субстантивация по женскому роду (напр., $\eta\ \acute{o}\rho\iota\sigma\tau\acute{\iota}\kappa\acute{\eta}$), подразумевающая $\acute{\epsilon}\gamma\kappa\lambda\iota\sigma\iota\varsigma$, тоже встречаются нечасто: в основном названия склонений, как прилагательные, согласуются либо с $\rho\acute{\eta}\mu\alpha$ (напр., $\pi\acute{\alpha}\nu\ \rho\acute{\eta}\mu\alpha\ \acute{o}\rho\iota\sigma\tau\acute{\iota}\kappa\omicron\nu$. Theodos. Can. 77), либо с какой-нибудь другой глагольной категорией (напр., $\acute{o}\ \upsilon\pi\omicron\tau\alpha\kappa\tau\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\acute{o}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$. Theodos. Can. 74). Из парадигм спряжения в «Канонах» ясно, что под перечисленными выше склонениями подразумеваются те четыре склонения, которые мы встречаем и в современных грамматиках древнегреческого языка, и инфинитив. Определение понятия склонения

отсутствует и в «Канонах», но некоторые разъяснения, касающиеся терминологии, он все же дает. Феодосий комментирует названия наклонений, возводя их к основным функциям наклонений:

Αἱ μὲν ἄλλαι τῶν ἐγκλίσεων μοναδικὴν ἔχουσαι σημασίαν ἐξ αὐτῆς ὀνομάζοντο, οἷον ἡ ὀριστικὴ ἐκ τοῦ μόνως ὀρίζειν, ἡ προστακτικὴ ἀπὸ τοῦ προστασσειν, καὶ αἱ ἐξῆς ὁμοίως· ἡ μέντοι ὑποτακτικὴ ποικίλας ἔχει σημασίας· δηλοῖ γὰρ δισταγμόν, ὡς ἐν τῷ ἐὰν ὑγιάνω ἀναγνώσομαι· δηλοῖ δὲ καὶ ἀποτελεσμόν, ὡς ἐν τῷ δὲ τὸ βίβλιον ἵνα ἀναγῶ· ἔστι δὲ ὅτε καὶ αἰτίαν, ὡς ἐν τῷ ἵνα τιμηθῶ ἐλυπήθης· διαφοροῦς οὖν ἔχουσα σημασίας οὐκέτι δεδύνηται ἀπὸ μιᾶς ὀνομασθῆναι· ὀνόμασται δὲ ἀπὸ τῆς συντάξεως· ἐπεὶ γὰρ αἰὲ ὑποτάσσεται ἐνὶ τῶν ὑποτακτικῶν συνδέσμων, τῷ ἵνα ὅπως ἐάν, ὑποτακτικὴ καλεῖται (Theodos. Can. 72.9–17).

«Все остальные наклонения, имея только по одному значению, от них и были названы, как, например, определительное — от того, что оно только определяет, повелительное — от того, что оно повелевает, и так далее подобным образом. Подчинительное же имеет различные значения, ибо обозначает неуверенность, как в [предложении] «Если я буду здоров, я прочту», а также обозначает и цель, как в [предложении] «Дай книгу, чтобы я прочел», а иногда и причину, как в [предложении] «Поскольку меня почтили, ты огорчился». Итак, поскольку оно имеет различные значения, оно уже не может быть названо от одного, а названо от синтаксиса. Ибо оно называется подчинительным, поскольку всегда подчиняется одному из подчинительных союзов — ἵνα, ὅπως, ἐάν».

Ближние этому комментарию замечания, истолковывающие названия наклонений исходя из их значений, содержатся и в других грамматических текстах¹⁵. Мы видим, что отсутствие однозначного соответствия между наклонением и коммуникативной интенцией высказывания перестает проблематизироваться. Феодосий прямо пишет, что за исключением

¹⁵ Например, Choerob. in Theod. 245.10–20.

сослагательного у каждого наклонения есть только одно значение, например «определяющее» (т. е. изъявительное) только определяет. Хировоск, комментируя Феодосия, разбирает, почему другие наклонения, в частности ἐρωτηματικὴ ‘вопросительное’, не принимаются грамматиками: во-первых, у них нет своих особых форм, во-вторых, для выражения вопроса вообще можно использовать не глагол, а любую часть речи (напр., ἄνθρωπος; μεγάλως;) (Choerob. in Theod. 232–233).

Автором, в работах которого категория наклонения, как, впрочем, и другие грамматические категории, проблематизируется и подробно исследуется, является Аполлоний Дискол. Аполлоний знаком с учением стоиков (несколько раз он прямо говорит об этом: A. D. Synt. 43, 94, 403. 430, 436). Возможно, влиянием их подхода к анализу αὐτοτελῆ λεκτά обусловлено то, как Аполлоний трактует наклонения. Он полагает, что значение личных глагольных форм складывается из значений двух составляющих — πρᾶγμα ‘действие’ и ψυχικὴ διάθεσις ‘душевное расположение’. Так, утверждение περιπατεῖ Τρύφων ‘Трифон гуляет’ может быть переформулировано (от третьего лица) как ὠρίσατο περιπατεῖν Τρύφωνα ‘он заявил, что Трифон гуляет’, а пожелание περιπατοίη Τρύφων ‘пусть Трифон гуляет’ — как ἠῴξατο περιπατεῖν Τρύφωνα ‘он пожелал, чтобы Трифон гулял’. Таким же образом «раскладывается» на две составляющие и повелительное наклонение (A. D. Synt. 44.1–8). Однако, сослагательное наклонение не укладывается в эту схему: согласно Аполлонию, оно употребляется только вместе с каким-либо союзом (напр., ἐάν или ἵνα) и, не имея собственного значения (δύναμις), принимает значение этих союзов. Поэтому это наклонение иногда называют также διστακτικὴ ‘дубитативное’ (напр., в ἐὰν γράφω ‘если я буду писать’), а иногда ἀποτελεστικὴ ‘финальное’ (напр., δὸς τὸν χάρτην ἵνα γράψω ‘дай бумагу, чтобы я написал’) или αἰτιολογικὴ ‘причинное’ (напр., ἵνα ἀναστῶ ἠνιάθη Τρύφων ‘Трифон опечален, потому что я встал’)¹⁶ (A. D. 375–378). При

16 Ο ἵνα αἰτιολογικὴ см. Sluiter 1990. 143–168.

этом термин *διστακτική* связан именно с употреблением глагола в протасисе условного предложения. Функции конъюнктива в независимом предложении (т. н. *conj. dubitativus* и *adhortativus*) рассматривались в античной грамматике то как отдельное наклонение *ὕποθετική*¹⁷, то как 1-е лицо повелительного наклонения.

Как мы видели, личные формы глаголов изъявительного, повелительного и желательного наклонений Аполлоний представляет как композицию личной формы глагола, выражающую соответствующую коммуникативную интенцию (напр., *ὀρίσατο*), и инфинитива смыслового глагола (напр., *περιπατεῖν*). Сам инфинитив при этом является как бы «именем» действия и не выражает *διάθεσις τῆς ψυχῆς*, и поэтому называется *ἀπαρέμφατος*, букв. «дополнительно ничего не выражающий». Положение инфинитива в грамматической теории остается проблематичным на протяжении всей истории ее развития в Античности. В Стое его рассматривали как «абсолютное действие» (Schenkeveld 1984. 342), Аполлоний обсуждает возможность причислить инфинитив к классу наречий (*ἐπιρρήματα*), поскольку они, во-первых, лишены ряда глагольных признаков (*διάθεσις τῆς ψυχῆς*, лицо и число), а во-вторых, часто сочетаются с личными формами глаголов — наподобие других наречий (A. D. Synt. 320–322), а кроме того, в других местах называет инфинитив *ὄνομα πράγματος* ‘именем глагола’, и *γενικώτατον ῥῆμα* ‘наиболее родовая [форма] глагола’, и *ἡ ἀπαρέμφατος ἔγκλισις*. В целом, в грамматической традиции за инфинитивом закрепился статус одного из пяти наклонений, но вопрос, является ли он наклонением и

17 Название наклонения *ὕποθετική*, возможно, восходит к л. *ὕποθετικόν* стоиков. В обоих случаях, как ясно из примеров, речь идет об особых значениях конъюнктива. В случае л. *ὕποθετικόν* это действительно «гипотетическое» употребление в 3-м лице ед. ч., характерное для научного дискурса, напр. *ὕποκεισθω τὴν γῆν κέντρον εἶναι...* ‘пусть земля — это центр...’ (Аммоний). *ἡ ὑποθετικὴ ἔγκλισις* поясняется на таких примерах как *ἀλλ’ ἄγε δὴ χαζώμεθ’ ἐφ’ ἵππων* ‘Стань в колесницу, и вспять мы уклонимся’ (E, 249, AD C. 363), которые иллюстрируют *adhortativus*. Употребление термина *ὕποθετική* в этом значении поясняется тем, что говорящий предполагает себя среди тех, к кому обращен его призыв.

вообще глаголом, продолжал дискутироваться до византийской эпохи (напр., Choerob. in Theod. 4.31 – 5.9).

Что касается терминологического аспекта, то, на наш взгляд, ἔγκλισις у Аполлония употребляется как наименование глагольной категории наклонения, а в сочетании с соответствующим термином — отдельных наклонений, а также для обозначения собственно глагольных форм соответствующих наклонений. Сложнее ответить на вопросы, 1) является ли этот термин единственным обозначением наклонения у Аполлония и 2) всегда ли он обозначает именно наклонение. Кандидатом в синонимы для ἔγκλισις является термин διάθεσις τῆς ψυχῆς, о котором уже шла речь выше. О том, что «древние» называли и наклонения (ἐγκλίσεις) и залоги (διαθέσεις) общим термином διάθεσις и что позже ψυχικαὶ διαθέσεις были обозначены как ἐγκλίσεις, а для σωματικαὶ διαθέσεις сохранился прежний термин, рассказывает Хировоск (Choerob. in Theod. 5.1–9) — непосредственно после того, как ссылается на Аполлония в связи со статусом инфинитива. О регулярном употреблении сочетания διάθεσις τῆς ψυχῆς для обозначения наклонения у Аполлония пишут и современные исследователи¹⁸. В то же время в некоторых случаях сам термин ἔγκλισις употребляется расширительно — для обозначения любой производной формы глагола¹⁹. Вопрос о точном значении термина ἔγκλισις у Аполлония, а также о его соотношении с понятием διάθεσις τῆς ψυχῆς, вряд ли можно считать окончательно решенным.

Итак, в формировании представления о глагольном наклонении можно выявить следующие этапы. Протагор впервые выделяет четыре λόγοι, отражающие различные модальности высказываний. Аристотель для

¹⁸ Lallot 2013.

¹⁹ В связи с этим Ж. Лалло предполагает, что первоначально ἔγκλισις, равно как и πτώσις, употреблялся для обозначения вообще любого изменения начальной формы слова. Затем, в процессе развития грамматической теории, отдельные категории, для которых было проще подобрать подходящее обозначение, постепенно выделялись из этого широкого понятия, так что в результате его значение сузилось до одной, самой трудноуловимой категории — категории наклонения (Lallot 2013).

употребляет широкую категорию πτῶσις для обозначения изменения «имени» и «глагола», которая имплицитно содержит будущие грамматические категории, в т. ч. и наклонение. В стоической школе было развито учение об αὐτοτελῆ λεκτά; на его основе, предположительно, было выработано понятие наклонения, включавшее как глагольные формы, так и другие средства выражения модальности в языке. В кругах александрийских грамматиков возникает уже полноценная грамматическая категория наклонения.

В заключение обобщим, какие термины были связаны с обозначением понятия наклонения в античной философии и собственно грамматической теории:

- 1) πτῶσις ἢ κατὰ τὰ ὑποκριτικὰ σημαίνουσα — у Аристотеля;
- 2) варианты: ἔγκλισις, πτῶσις ῥηματική, прилагательное, согласующееся с ῥῆμα (напр., τὸ προστακτικόν) — у стоиков, если свидетельства не содержат ошибки и не модернизируют терминологию;
- 3) ἔγκλισις и διάθεσις τῆς ψυχῆς — у Аполлония Дискола;
- 4) ἔγκλισις — в позднейшей грамматической традиции.

Заключение

В рамках данного доклада мы постарались прояснить ряд вопросов, связанных с происхождением и развитием понятия «наклонение» в античной философии и грамматической теории. Для этого мы привлекли ряд античных источников, проанализировали тексты, сопоставили мнения современных исследователей, которые так или иначе высказывались по этому вопросу. Кроме того, уже за пределами настоящего доклада мы исследовали и другие грамматические категории — «падеж», «залог» и названия глагольных времен. В перспективе предполагается уделить внимание и другим терминам и понятиям, таким как названия частей речи и термины, связанные с их классификацией.

Помимо настоящего доклада наши наблюдения по теме ВКР отражены в трех научных статьях (Барышева 2019а, 2019б, 2020) и трех докладах, которые были сделаны на международных конференциях.

Литература

Источники

1. A. D. Adv. — *Grammatici Graeci*. Vol. 2.1 / ed. R. Schneider. Leipzig: Teubner, 1878. P. 119-210.
2. A. D. Conj. — *Traité des conjonctions* / ed. C. Dalimier. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin. 2001. P. 64–208 (even pages).
3. A. D. Pron. — *Grammatici Graeci*. Vol. 2.1 / ed. R. Schneider. Leipzig: Teubner, 1878. P. 3-116.
4. A. D. Synt. — *De la construction* / ed. J. Lallot. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 1997. P. 96–293.
5. Arist. Cat. — *Aristotelis categoriae et liber de interpretatione* / ed. L. Minio-Paluello. Oxford: Clarendon Press, 1949. P. 3–45.
6. Arist. Int. — *Aristotelis categoriae et liber de interpretatione* / ed. L. Minio-Paluello. Oxford: Clarendon Press, 1949. P. 49–72.
7. Arist. Po. — *Aristotelis de arte poetica liber* / ed. R. Kassel. Oxford: Clarendon Press, 1965.
8. Arist. SE. — *Aristotelis topica et sophistic elenchi* / ed. W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1958. P. 190–251.
9. Choerob. in Theod. — *Grammatici Graeci*. Vol. 4.2 / ed. A. Hilgard. Leipzig: Teubner, 1894. P. 1-371.
10. D. L. — *Diogenis Laertii vitae philosophorum* / ed. H. S. Long. Oxford: Clarendon Press, 1964.
11. D. T. — *Grammatici Graeci*. Vol. 1.1 / ed. G. Uhlig. Leipzig: Teubner, 1883.
12. Pl. Sph. — *Platonis opera* / ed. J. Burnet. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1900. 216a-268d.
13. Stoic. — *Stoicorum veterum fragmenta* / ed. J. von Arnim. Leipzig: Teubner, 1903.

14. Theodos. Can. — Grammatici Graeci. Vol. 4.1 / ed. A. Hilgard. Leipzig: Teubner, 1894. P. 3-99.

Исследования

1. Барышева 2019а — *Барышева О. И.* Античная грамматика в византийской рецепции. Два комментария к канонам Феодосия // Историческое сознание и постматериальные ценности: сборник научных статей. СПб.: Изд-во РГПУ им.А.И. Герцена. 2019. С. 387–391.
2. Барышева 2019б — *Барышева О. И.* Как изучали грамматику в византийской школе? Принципы изложения греческой грамматики в «Канонах» Феодосия // АСТА ERUDITORUM. 2019. Вып. 30. С. 28-31.
3. Барышева 2020 — *Барышева О. И.* Что такое "падеж": интерпретация категории падежа в античной и византийской грамматической теории // Гуманитаристика как школа мысли. Сборник научных трудов. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 201–205.
4. Ax 1991 — *Ax W.* Sprache als Gegenstand der alexandrinischen und pergamenischen Philologie // Sprachtheorien der abendländischen Antike / ed. P. Schmitter. Tübingen, 1991. S. 275–301.
5. Di Benedetto 1958 — *Di Benedetto V.* Dionisio Trace e la Techne a lui attribuita // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Serie II. Vol. 27. P. 169–210.
6. Frede 1987a — *Frede M.* Principles of Stoic grammar // Essays in ancient philosophy / ed. M. Frede. Minnesota. P. 301–337.
7. Frede 1987b — *Frede M.* Principles of Stoic grammar // Essays in ancient philosophy / ed. M. Frede. Minnesota. P. 338–359.
8. Hagius 1979 — *Hagius H.* The Stoic Theory of the Parts of Speech. Thesis Columbia Univ., 1979.

9. Kaster 1988 — *Kaster R.* Guardians of language: the grammarian and society in Late Antiquity, London/Los Angeles, 1988.
10. Lallot 1997 — De la construction / ed. J. Lallot. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 1997.
11. Lallot 1998 — La grammaire de Denys le Thrace / ed. J. Lallot. Paris, 1998.
12. Lallot 2013 — *Lallot J.* Mood (énklisis), Ancient Theories of // Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics / ed. G. K. Giannakis. Brill, 2013.
13. Matthaïos 1999 — *Matthaïos S.* Untersuchungen zur Grammatik Aristarchs: Texte und Interpretation zur Wortartenlehre. Göttingen, 1999.
14. Matthaïos 2011 — *Matthaïos S.* Eratosthenes of Cyrene: Readings of his ‘grammar’ definition // Ancient scholarship and grammar: Archetypes, concepts and contexts / ed. S. Matthaïos, F. Montanari, A. Rengakos. Berlin, 2011. P. 55– 85.
15. Mazhuga 2014 — *Mazhuga V. I.* La notion du mode verbal chez les grammairiens grecs et latins du Ier siècle av. J.-C. // Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft. 2014. Vol.24. P. 1–18.
16. Pagani 2011 — *Pagani L.* Pioneers of grammar: Hellenistic scholarship and the study of language // From scholars to scholia : chapters in the history of ancient Greek scholarship / ed. F. Montanari and L. Pagani. Berlin, 2011. P. 17–64.
17. Schenkeveld 1984 — *Schenkeveld D. M.* Studies in the history of ancient linguistics. II. Stoic and Peripatetic kinds of speech act and the distinction of grammatical moods // Mnemosyne. Vol. 37. P. 291–353.
18. Schmidt 1839 — *Schmidt R.* Stoicorum grammatica. Halle, 1839.
19. Sluiter 1990 — *Sluiter I.* Ancient Grammar in Context: contributions to the study of ancient linguistic thought, Amsterdam, 1990.
20. Steinthal 1890/91 — *Steinthal H.* Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern mit besonderer Rücksicht auf die Logik. 2 vols. Berlin, 1890/91.